

УДК 94(470.57)

**КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ
В СЕЛЕ БУРАЕВО БИРСКОГО УЕЗДА УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В МАРТЕ 1918 г.
(К ОЦЕНКЕ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ВОПРОСА)**

© 2017 А.О. Иванов, А.Н. Алдашов

Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы

Статья поступила в редакцию 20.09.2017

В статье рассматриваются различные точки зрения на историю малоизвестного крестьянского восстания в селе Бураево Бирского уезда Уфимской губернии, а также приводится анализ источниковой базы вопроса. В советской историографии восстания подобного рода однозначно характеризовались как «кулацкие» и «буржуазно-националистические». Современные исследователи, анализируя различные материалы рассматриваемого периода, приходят к неоднозначным выводам, зачастую весьма тенденциозным. Несмотря на большое число работ по различным аспектам истории Гражданской войны на территории современной Республики Башкортостан, в региональной исторической науке отсутствуют специальные историографические исследования по отдельным выступлениям крестьян повстанческого характера. Современным авторам приходится опираться на историографическую и источниковую базу, которая была сформирована и отложилась в архивах, музеях и библиотеках именно в советский период. Все это порождает разные версии событий, произошедших в селе Бураево в марте 1918 г., и приводит к отсутствию единого мнения в оценке крестьянских восстаний этого периода. Тенденциозность никуда не исчезла, она лишь приобрела другой оттенок. Там же, где ее не было, не было и оценок произошедшего, а было лишь описание, констатация фактов. Поэтому необходимо дать этому событию новую оценку на основе имеющихся сегодня методологических подходов к исследованию крестьянских восстаний в первые годы Советской власти.

Ключевые слова: Гражданская война, историография, источниковая база, Уфимская губерния, Бирский уезд, село Бураево, Бураевское башкирское кантонство, продовольственные отряды, продовольственная политика, реквизиции, крестьяне, восстание.

История многих крестьянских восстаний, произошедших в России в 1918 г., еще недостаточно изучена по ряду причин. В значительной степени это связано с тем, что в советской историографии данная тема освещалась с точки зрения В.И. Ленина как разработчика и основоположника советской идеологической доктрины, выдвинувшего жесткий тезис о том, что «Кулаки – самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры, не раз восстанавливавшие в истории других стран власть помещиков, царей, попов, капиталистов...»¹.

О некоторых из таких восстаний с разной периодичностью писали в своих работах как советские, так и современные авторы. Одно из таких событий – восстание крестьян в селе Бураево Бирского уезда Уфимской губернии весной 1918 г. По факту случившегося, с одной стороны, есть достаточно обширная историографическая и источниковая база, а с другой, авторские оценки Бураевского восстания носят явно тенденциозный характер, источники нуждаются в тщательной проверке и, возможно, введении в научный оборот новых материалов по этой теме.

Иванов Алексей Олегович, заведующий отделом редких книг библиотеки. E-mail: ivanov_alex1990@mail.ru
Алдашов Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и культурного наследия. E-mail: aldashov1965@mail.ru

Целью настоящей статьи является анализ публикаций различных авторов и архивных материалов, в которых фиксируется, описывается и трактуется крестьянское восстание в селе Бураево в 1918 г. с учетом общероссийской ситуации и региональной специфики.

Методологической основой статьи является микроисторический подход, предполагающий изучение отдельных явлений, происходивших в прошлом, для выявления (на тот момент) основных представлений и тенденций в обществе в целом. Используя данный методологический подход, можно достаточно подробно рассмотреть локальный объект исследования, что в конечном итоге обогатит макроисторию, так как даст возможность понять действие исторических сил на локальном уровне.

События в Бураево впервые были упомянуты в опубликованных в начале 1930-х гг. воспоминаниях А. Веселова и П. Варивошена, на фоне утверждения сталинского догматизма и подчинения исторической науки господствовавшей тогда идеологии. Указанные авторы в контексте описания другого восстания – в селе Новотроицкое – приводят краткую информацию о событиях в Бураево, характеризуя произошедшее как «...восстание купечества и кулачества»².

Несколько позже рассматриваемое нами восстание нашло отражение в работах З.А. Аминова³, на страницах исторических очерков «Советская Башкирия»⁴, в сборнике статей и очерков «На Южном Урале»⁵, а также в воспоминаниях участников Гражданской войны А.П. Гундорина и Г.А. Акимова⁶.

Биографический очерк А.Г. Лукманова, посвященный жизни и военно-политической деятельности И.С. Чернядьева, участника революционных событий и Гражданской войны в Бирском уезде Уфимской губернии, также затрагивает вопрос противостояния местного населения и большевистской власти в Бураево. А.Г. Лукманов оценивает события в Бураево как «... буржуазно-националистический контрреволюционный мятеж», а причиной случившегося, по мнению автора, является «национализация и раздел земли»⁷. Оценивая количество восставших, автор пишет: «Охваченные восстанием деревни насчитывали около 20 тысяч человек». Любопытно, что в ходе описания событий «мятежа» автор делает оговорку, что «На первый взгляд бураевский мятеж был безобидным, так как не принял широкого размаха, как это случилось позднее, в июне 1918 года... Но Бураевский мятеж был первым грозным предупреждением, что контрреволюция не дремлет...»⁸. Особенность этого очерка в том, что автор не приводит ссылок на использованные им в работе источники и литературу.

Освещая биографию М.Г. Кильметова, одного из участников революционного движения в Бирском уезде, М. Садретдинов в статье «Сын народа» также упоминает о событиях в Бураево, отмечая, что «В марте 1918 года бураевские кулаки снова подняли голову...». Работа данного автора примечательна тем, что здесь приводится информация о формировании отряда для борьбы против большевиков, а также отмечается конкретное количество этого отряда: «... Всего в отряд записалось 44 человека из байских и кулацких сынков...». Кроме того, в тексте нет ни одной ссылки на конкретные источники, которые использовались (если вообще использовались) автором, а также занижено количество зерна, захваченного восставшими. О цифре в 500 тыс. пудов зерна, фигурирующей практически во всех архивных и литературных источниках, в работе М. Садретдинова упоминается только то, что «Кулацкий отряд... захватил 500 пудов зерна...»⁹. Про факт захвата восставшими 300 тыс. рублей в статье не говорится вообще.

Характеризуя общий оценочный фон публикаций советского периода, стоит сказать, что по отношению к восстанию в селе Бураево позиции авторов в исторических, публицистических и мемуарных изданиях, вышедших в это время, сводились к определению произошедше-

го расплывчатым термином «кулацкий мятеж», «кулацкое восстание». Подобные оценки имеют ярко выраженный тенденциозный характер, в них не анализируются причины активного сопротивления местных жителей Советской власти, ее социально-экономической политике. Публикации, в том числе и документальные, вышедшие в советский период, отягощены идеологическими «оковами», что не позволило авторам подойти объективно к освещению проблемы восстания не только в отдельно взятом селе Бураево Бирского уезда Уфимской губернии, но и в целом к крестьянским восстаниям 1918-1920 гг. по всей стране. К тому же факт подобных выступлений в первой половине 1918 г. (еще до мятежа чехословацкого корпуса) никак не подпадал под утвердившуюся концепцию «Триумфального шествия Советской власти», а также широко применяемый в советской историографии тезис о прочном союзе рабочего класса и крестьянства. При трактовке истории крестьянских восстаний официальной властью было невыгодно обращать внимание на факт таких выступлений, особенно в свете того, что в 1920-1921 гг. они и так кровавой волной прокатились по Советской России. Поэтому восстания крестьян региональными авторами освещались неохотно, мало и кратко, особо подчеркивалось в таких случаях, что это именно «кулацкие», «контрреволюционные», «бандитские» выступления, которые надо было беспощадно ликвидировать. Такая историографическая ситуация сохранялась вплоть до начала 1990-х гг. На закате советской эпохи, в самый разгар политики «демократизации» и «гласности» в советских средствах массовой информации, стали появляться интересные, на наш взгляд, статьи, авторами которых, как ни парадоксально, были не историки, а экономисты. Так, экономический обозреватель Л. Вознесенский в одной из своих статей затронул на тот момент «спорную версию» о событиях 1917-1921 гг. в советской деревне, справедливо заметив, что «...Читаешь учебник или монографию, выдержанную в духе «закрытого» стиля, и не перестаешь удивляться: ведь это же не исследование, даже не повествование, а какое-то... вязание крючком. Все гладенько – петелька к петельке, узелок к узелку, а если вылезет лишний хвост или обрывок нити, внутрь его, чтобы не было заметно на ровной, нешероховатой поверхности!»¹⁰. Этим образным выражением, по нашему мнению, вполне можно охарактеризовать советскую историографию, хотя в ней, при внимательном анализе работ авторов, можно найти значительное количество логических нестыковок и весьма спорных утверждений.

Одним из первых о восстании крестьян в Бураево весной 1918 г. в постсоветской региональной историографии упоминает Б.Х. Юлдашбаев

на страницах опубликованного им в 1995 г. научно-образовательного курса по истории Башкортостана¹¹. О рассматриваемых нами событиях автор пишет в контексте освещения продовольственной политики большевиков «в условиях Башкирии как аграрной окраины России...» и реакции местного населения на эти «большевистские новшества», перечисляя наиболее известные факты (на момент подготовки его работы) крестьянских выступлений в Башкортостане в феврале-июне 1918 г. Все обстоятельства крестьянских восстаний, описанные Б.Х. Юлдашбаевым, к сожалению, не подкреплены ссылками на конкретные источники и литературу, что существенно обедняет данную работу.

В 1996 г. на страницах солидного регионального издания «Башкортостан: краткая энциклопедия» была опубликована небольшая статья Г.В. Мордвинцева под названием «Бураевское башкирское кантонство». В ней автор на основе сведений из сборников документов, посвященных установлению Советской власти в Башкортостане (вышедших еще в 1957 и 1987 гг.), приводит краткое описание самого факта восстания, происшедшего в Бураево в марте 1918 г.¹² Позднее на страницах первого тома многотомного регионального универсального справочного издания «Башкирская энциклопедия» была опубликована небольшая по объему, но, в сравнении с более ранней (1996 г.), частично переработанная статья этого же автора «Бураевское восстание 1918»¹³. Указанная статья подготовлена также на основе сборников материалов 1957 и 1987 гг. без привлечения каких-либо новых материалов.

Вопрос, связанный с необходимостью непредвзятого, объективного научного изучения крестьянских восстаний 1918-1921 гг. на территории современного Башкортостана, одним из первых в постсоветской региональной историографии поднял М.С. Гарипов¹⁴. Он констатирует необходимость глубокого изучения темы крестьянского движения Башкортостана «в теоретическом и методологическом плане», а также предлагает рассматривать отдельно «...такие вопросы, как причины и ход восстаний, социальный и национальный состав восставших...», призывает к пересмотру устоявшихся в советской историографии определений, таких как «кулацко-эсеровский бандитизм»¹⁵. При этом автор указывает, какие на его взгляд аспекты этой темы стоит рассмотреть подробнее: «...особенности психологии того или иного народа, участвовавшего в крестьянском движении, уровень культуры, религиозные аспекты сознания, региональные особенности»¹⁶. Со слабым освещением этих тем в региональной историографии М.С. Гарипов напрямую увязывает недостаточную степень изученности крестьянских восстаний 1918-1922 гг. в Башкортостане. Здесь

стоит оговориться, что в названии статьи автор указывает хронологические рамки с 1918 г. по 1921 г., а далее по тексту фигурируют несколько другие – с 1918 г. по 1922 г.¹⁷ Такое «вольное» смещение хронологических рамок в тексте статьи М.С. Гариповым не комментируется, причем в заключительной части отмечается, что «...о полной ликвидации повстанческого движения говорить не приходилось: мятежи, носившие теперь уже более локальный характер, продолжались и в 1921 г.»¹⁸. К положительным сторонам данной статьи следует отнести то, что автор одним из первых в постсоветской историографии призывает непредвзято, объективно оценить и глубоко проанализировать случившиеся восстания крестьян в Башкортостане, пересмотреть термины и историографические штампы, использовавшиеся ранее в оценке таких событий. Вызывает сожаление тот факт, что в рассматриваемой нами статье нет ни одной ссылки на использованные источники и литературу, кроме того, не уточняется, каким именно образом, применительно к крестьянским восстаниям, М.С. Гарипов видит «глубокое изучение в теоретическом и методологическом плане», неясно, какую теоретико-методологическую базу, составляющую основу изучения подобных восстаний, имеет в виду автор.

В объемной монографии М.М. Кульшарипова, представившего широкую панораму башкирского национального движения, событиям в Бураево (по непонятным причинам) внимание не уделено. Автор лишь упоминает о Бураево в контексте историографического обзора в начале исследования, критикуя работу Р.М. Раимова¹⁹, а также приводит цитату текста телеграмм, поступивших из села Бураево в адрес Шуро, отмечая, что «...Идея самостоятельности, создания своей автономной государственности, вызвала у башкирского народа необычайный духовный подъем, воодушевление, о чем свидетельствуют телеграммы и письма, направленные в адрес Центрального шуро со всех концов Башкортостана. Так, из села Бураево, где проходил съезд мусульман Бирского уезда, поступили в адрес Шуро две телеграммы: одна от имени мишарей и тептярей, где они заявили о своем согласии присоединиться к башкирам и войти в состав автономного Башкортостана, другая – от башкир названного уезда, сердечно поздравляющих Шуро с объявлением автономии и выражающих готовность всячески поддержать ее»²⁰. Причем текст этих телеграмм взят автором из газеты «Башкорт» от 10 декабря 1917 г., то есть до самого факта восстания. Можно предположить, что автор не рассматривает события в Бураево в марте 1918 г. по причине того, что они не являлись, по его мнению, национальным движением и не укладывались в концепцию его работы.

Несколько позже эта тема вновь была поднята в исторической литературе. В монографии²¹ и докторской диссертации²² Р.А. Давлетшина, многие годы занимавшегося историей аграрных отношений и крестьянства Башкортостана, также была предпринята попытка объективного освещения первых крестьянских выступлений, вызванных конфискациями и реквизициями хлеба. Правда, восстанию в Бураево посвящен всего один небольшой абзац и в диссертации, и в монографии автора. Более подробно Р.А. Давлетшин останавливается на повстанческом движении начала 1920-х гг.

В диссертационном исследовании А.Н. Заеровой, при рассмотрении роли северо-западных башкир в национальном движении, опираясь исключительно на воспоминания Г.А. Акимова, хранящиеся в Национальном архиве Республики Башкортостан, автор кратко, только в двух небольших абзацах, описывает события в селе Бураево²³, не подвергая научной критике данный источник и не используя для рассмотрения этого события работы других авторов, например тех, кого мы упоминали ранее.

Рассматривая историю возникновения в 1922 г. «Большой Башкирии», С. Хамидуллин и Р. Таймасов приводят дискуссионную точку зрения, что «Бураевцы первыми в Уфимской губернии начали открытую войну против уфимских большевиков, выбивавших из сельчан последние запасы хлеба. Бураевский Башкирский автономный район на тот момент стал олицетворением мечты башкир Уфимской губернии о будущей Башкирской республике, для осуществления которой бураевцам пришлось проявить недюжинное мужество и веру в идею самоопределения своего народа»²⁴. Отметим, что электронная версия данной статьи размещена на официальном сайте журнала «Ватандаш»²⁵ и на портале «Башкирский вестник»²⁶, посвященном истории и современному положению башкирского народа. Несколько позже, в 2011 г., по сценарию С. Хамидуллина был снят документально-художественный фильм «Мятеж», посвященный истории крестьянских восстаний на территории Уфимской губернии в 1918-1920 гг. и образованию «Большой Башкирии», в котором события в Бураево также освещены на основе текста предыдущих работ авторов²⁷.

Наиболее полно Бураевское восстание нашло свое отражение в уже упомянутой нами статье С. Хамидуллина и Р. Таймасова «Большая Башкирия», опубликованной в журнале «Ватандаш». К достоинствам данной статьи можно отнести то, что авторы на основе сравнения воспоминаний одного из участников ликвидации восстания в Бураево Г.А. Акимова, а также публикации в татарской газете большевистского толка «Кюряш» проанализировали причины, ход и последствия этого

выступления. Данная статья является фактически первой в современной региональной историографии, дающей оценку крестьянским выступлениям в Уфимской губернии весной 1918 г.

С точки зрения политической самоорганизации в своем противостоянии с большевиками бураевские крестьяне провозгласили новую форму власти – «Бураевское башкирское кантонство». Вышеупомянутые авторы считают, что эта новая форма власти была прямым продолжением провозглашенной в ноябре 1917 г. башкирской автономии²⁸. По их мнению, национальный мотив в этом выступлении являлся главным. Мы же придерживаемся другой точки зрения. Можно признать, что стремление к сближению с только что провозглашенной башкирской автономией, несомненно, было. Однако, на наш взгляд, бураевскими крестьянами двигали отнюдь не национальные мотивы, а вполне конкретная социально-экономическая ситуация в стране, вызванная соответствующей политикой большевиков весной 1918 г., что, кстати, признают и сами авторы, отмечая, что «В стране фактически шла гражданская война. Диктатуре пролетариата был необходим хлеб. Поэтому большевики ввели продовольственную разверстку, то есть изъятие у крестьян продукта их труда. Им оставался необходимый для полуголодного существования минимум, а излишки реквизировались. Зажиточное крестьянство губернии негодовало: приходилось отдавать то, что было нажито упорным трудом... Понятно, что смекалистые крестьяне в условиях экономической политики «военного коммунизма» бросились продавать свои излишки или обменивать их на промышленные товары. Тогда большевики запретили свободную торговлю. Февральский наряд 1918 года на Уфимскую губернию составил 1008 вагонов муки, 144 – крупы, 435 – овса и сотни вагонов других наименований. В ответе на анкету Московского продовольственного комитета власти Уфы писали: «Уфимская губерния является губернией вывозящей (т.е. регионом-донором)... К реквизиции и принудительному проведению закона о хлебной монополии население относится крайне отрицательно...»²⁹.

В приведенной нами цитате необходимо уточнить следующие факты: **во-первых**, продовольственная разверстка была официально введена большевиками значительно позже – 11 января 1919 г. декретом «О разверстке зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства, между производящими губерниями»³⁰. Принятие данного документа явилось логическим развитием декретов ВЦИК и СНК от 13 мая 1918 г. «О чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию»³¹ и от 30 октября 1918 г. об обложении сельских хозяев натуральным налогом в виде

отчисления части сельскохозяйственных продуктов³²; **во-вторых**, политика военного коммунизма также официально была введена несколько позже описываемых С. Хамидуллиным и Р. Таймасовым событий в Бураево, 13 мая 1918 г., в соответствии с уже упомянутым нами декретом ВЦИК и СНК «О чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию» как система чрезвычайных мер по централизации заготовок и распределения продовольствия. В деревне стала проводиться политика хлебной монополии, позже, в январе 1919 г., как мы уже говорили, получившая официальное название продразверстки – новая система заготовок сельскохозяйственных продуктов, основывавшаяся на обязательной сдаче крестьянами государству по твердым ценам (сверх установленных норм на личные и хозяйственные нужды) излишков хлеба и других продуктов.

Авторы статьи «Большая Башкирия», несомненно, правы в том, что реквизиции проводились. Но эти реквизиции в Уфимской губернии не имели никакого отношения ни к продразверстке, ни к военному коммунизму. Первые продовольственные отряды появились на территории Уфимской губернии уже в ноябре 1917 г.³³ Эти отряды, занимавшиеся реквизицией хлеба по своей деятельности, были прообразом появившихся в последующем (в мае 1918 г.) по всей стране продовольственных отрядов.

Уфимские большевики, судя по имеющимся данным источников, проводили эти реквизиции по собственной инициативе. Как свидетельствует найденный нами в фондах Национального архива Республики Башкортостан документ, Организационный отдел Губернской коллегии по продовольствию и снабжению Уфимского губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов 31 мая 1918 г. направил в адрес Бирской Упродколлегии телеграмму, в которой констатировалось, что «Некоторые продовольственные органы нередко выносят постановления, явно противоречащие как закону о хлебной монополии, так равно и постановлениям Губпродкома и Губпродколлегии, совершенно не считаясь с последствиями таких постановлений...» и далее: «...Губернская Продовольственная Коллегия поручает Упродколлегии поставить в известность всех должностных лиц продовольственных органов, что они за несоответствующие или противоречащие закону о хлебной монополии и постановлениям Губернского Продовольственного Комитета и Губпродколлегии – свои постановления будут передаваться Суду Революционного Трибунала»³⁴. Правда, в данном документе не уточняется, какие конкретно «свои постановления» имелись в виду, но сам факт его существования и направление конкретному адресату говорит сам за себя.

В пятом томе «Истории башкирского народа», охватывающем период с 1900 г. по 1940 г. и освещающем на солидной источниковой базе крупные вехи истории Башкортостана первых четырех десятилетий XX века, события в селе Бураево были представлены уже упоминаемым нами М.М. Кульшариповым в главе «Башкиры в период великих потрясений» и тракуются им как движение против установления советской власти в волостях, где проживало преимущественно башкирское население³⁵.

Таким образом, проведенный анализ степени разработанности в изучении истории восстания в селе Бураево позволяет сделать вывод, что данное событие, в отличие от многих других подобных ему в Уфимской губернии, неоднократно упоминалось в современной региональной историографии, однако она также не лишена определенной тенденциозности. Авторы либо просто констатируют факты восстаний, не проводя глубокого анализа событий и их описания, либо оценки даются с этнополитической точки зрения, а трактовка крестьянских выступлений ориентирована не на объективное изучение реакции крестьян на социально-экономическую политику Советской власти весной 1918 г. в рамках определенной территории, а делается упор на национальный фактор в одной отдельно взятой волости Уфимской губернии.

Можно согласиться с мнением В.В. Кондрашина, утверждающего, что тема, связанная с участием крестьян в событиях революции 1917 г. и Гражданской войны, нуждается в дальнейшем изучении и, прежде всего, на региональном уровне с привлечением соответствующих документальных материалов из центральных и региональных архивов, а также с опорой на достижения отечественной исторической науки³⁶.

Таким образом, рассмотрев и проанализировав все известные нам на текущий момент работы, которые касаются восстания в селе Бураево в 1918 г., мы условно разделили их на две группы: для **первой группы** авторов характерно то, что в этих текстах вообще нет ссылок ни на используемую литературу, ни тем более на какие-либо источники, подтверждающие точку зрения авторов (таких как А. Веселов, П. Варивошня, Г.Е. Соколов, А.Е. Соколов, А.П. Гундорин, Г.А. Акимов, А.Г. Лукманов, М. Садретдинов, Б.Х. Юлдашбаев). Это вполне определенно позволяет утверждать, что к таким работам, причём как советских, так и современных авторов, перечисленных выше, необходимо относиться очень осторожно, тщательно проанализировав весь архивный материал по данной теме, а также привлечь новые архивные источники, не использованные ранее.

Для **второй группы** работ характерно использование авторами опубликованных источ-

ников, правда, в большей степени на страницах сборников документов, вышедших в советский период. Например, Г.В. Мордвинцев при составлении энциклопедических статей, касающихся Бураевского восстания, использовал сборники документов по истории революции и Гражданской войны, изданные еще в 1957 и 1987 гг.³⁷

В своей докторской диссертации и монографии Р.А. Давлетшин при упоминании восстания в Бураево использовал «Очерки истории Башкирской организации КПСС», вышедшие еще в 1973 г.³⁸. А.Н. Заерова в диссертации, не подвергая научной критике и не сравнивая с другими источниками, использовала машинописные рукописи воспоминаний участника подавления восстания в Бураево Г.А. Акимова. Если обратить внимание на крайние даты, то мы увидим, что нижняя хронологическая граница этого архивного дела – 22 июня 1957 г., а верхняя – 26 марта 1980 г.³⁹ То есть Г.А. Акимов писал свои воспоминания по истечении почти сорока лет после события, и вполне вероятно, что в этом тексте изложена лишь литературно и цензурно «обработанная» версия произошедшего.

При описании событий в Бураево С. Хамидуллин и Р. Таймасов используют оригинал рукописи того же Г.А. Акимова из документального фонда Национального музея Республики Башкортостан и сравнивают его воспоминания с публикацией из газеты «Кюряш» от 4 апреля 1918 г., выявляя в тексте воспоминаний и газетной публикации ряд нестыковок.

Исходя из результатов проведенного анализа использования авторами различных источников и литературы, на основании которых они описывали Бураевское восстание, можно сделать вывод, что большая часть этой литературы не снабжена научно-справочным аппаратом, ссылками на источники, что позволяет использовать эти тексты лишь условно. Другие авторы пользовались опубликованными источниками в сборниках документов, воспоминаний, другой литературой, написанной зачастую более пятидесяти лет назад в соответствующей идеологической и политической обстановке, что также не позволяет говорить об объективности их редакторов и составителей. В ряду перечисленных нами выше работ, а также в плане использования источников публикация С. Хамидуллина и Р. Таймасова наиболее полно отражает Бураевское восстание, хотя и эта работа имеет некоторую тенденциозность и далека от подробного описания событий с широким привлечением разнообразных источников.

В результате проведенной нами работы были выявлены не только те архивные материалы, на которые ссылались предыдущие авторы (А.Н. Заерова использовала воспоминания Г.А. Акимова из фонда 10287, а С. Хамидуллин и Р.

Таймасов использовали материалы Документального фонда Национального музея Республики Башкортостан), но и сведения, ранее не фигурировавшие в качестве научно-справочного аппарата к публикациям.

В четырех фондах Национального архива Республики Башкортостан⁴⁰ авторами настоящей статьи были выявлены материалы, касающиеся рассматриваемого восстания:

1. В фонде И-345 «Бирская уездная продовольственная управа (1914-1918 гг.)», на основании одного из протоколов ее заседаний дается краткая информация о произошедшем в Бураево, а далее приводится текст телеграммы⁴¹.

2. В личном фонде Р-4667, в котором собраны документальные материалы, связанные с жизнью и деятельностью участника Гражданской войны Г.А. Акимова, хранятся его воспоминания, в которых он приводит свою версию событий в Бураево⁴².

3. В фонде 10287 «Коллекции документов революционных событий (1905-1917 гг.) и гражданской войны» в отдельных делах отложились воспоминания уже упомянутого нами Г.А. Акимова⁴³, а также братьев Г.Е. Соколова и А.Е. Соколова, в которых приводятся их воспоминания об этом крестьянском восстании⁴⁴. Отдельно стоит сказать, что в данном фонде имеется машинописная рукопись Г.И. Гужвенко «Кулацко-эсеровские мятежи в Башкирии и их ликвидация в 1918-1921 годах». На страницах его работы, в контексте рассмотрения Новотроицкого восстания, организованного «кулацко-эсеровским штабом», автором кратко упоминается восстание в Бураево⁴⁵.

4. В фонде 1832 «Истпарт Башобкома КПСС», в разделе «Гражданская война. Документы» в двух отдельных делах отложились рукописи участников Гражданской войны А. Веселова и П. Варивошена, в которых также упоминаются рассматриваемые события⁴⁶.

В отделе персональных документов участников революционного движения и Гражданской войны тематической коллекции «Революционное движение. Гражданская война. Образование БАССР» Документального фонда Национального музея Республики Башкортостан в рукописном и машинописном вариантах под названием «Солдаты революции» хранятся воспоминания Г.А. Акимова⁴⁷. Стоит отметить, что варианты текстов, автором которых является Г.А. Акимов, а также логические нестыковки в них были проанализированы нами (А.И. и А.А. – *Прим. авт.*) в предыдущей статье⁴⁸. Что касается текстов, находящихся в Национальном архиве Республики Башкортостан и Документальном фонде Национального музея Республики Башкортостан, можно сказать, что первым по хронологии является вариант воспоминаний «Солдаты революции»

(в рукописном и машинописном варианте), который хранится в музее и датирован самим Г.А. Акимовым 15 мая 1957 г.⁴⁹. Вторым по хронологии является вариант воспоминаний Г.А. Акимова, хранящийся в Фонде коллекций революционных событий (1905-1917 гг.) и гражданской войны Национального архива Республики Башкортостан. Это архивное дело зафиксировано следующими крайними датами: 22 июня 1957 - 26 марта 1980 гг.⁵⁰

Отметим, что восстание в Бураево практически сразу нашло свое отражение на страницах местной большевистской⁵¹ и меньшевистской прессы. На страницах последней приводится весьма интересное описание пребывания красногвардейского отряда в течение нескольких дней в Бирске⁵².

Материалы, опубликованные в сборнике документов «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии (февраль 1917 г. - июнь 1918 г.)», вышедшем еще в 1957 г., включают в себя перевод (с татарского языка на русский) статьи «Разгром бураевской смуты» из газеты «Кюряш» от 4 апреля 1918 г.⁵³, в которой приводятся сведения об обстоятельствах восстания и о том, каким образом было осуществлено его подавление.

В совокупности данные материалы, несмотря на многочисленные разночтения и противоречия, позволяют нам дать достаточно полную картину событий, из которых состояло восстание крестьян в селе Бураево. Хотя реконструкция этого крестьянского восстания является темой для отдельной статьи, попытаемся кратко осветить ход событий в Бураево.

Особенностью этого антибольшевистского выступления было тесное переплетение требований социально-экономического характера с элементами требований национально-государственного (или «автономистского») характера. В ситуации глубочайшего кризиса, охватившего все сферы жизни общества, Бураевский башкирский национальный Совет (Шуро) от 7-ми волостей пытался создать своеобразную «зону спокойствия» на отдельно взятой территории. Для этого 18 февраля 1918 г. он постановил признать хлеб, ранее заготовленный Бураевским исполкомом для армии в количестве 500 тыс. пудов, и финансовые средства в размере 300 тыс. рублей принадлежащими автономному району. Как отмечено в протоколе коллегиального заседания Бирской уездной продовольственной управы, в связи с этим была составлена телеграмма членом Бирской Продуправы Соколовым и эмиссаром Жутеевым, в которой сообщалось, что «...служащие терроризованы, бегут, часть арестована, местный Совет Народных Комиссаров бессилён помочь, ждем Ваших распоряжений, указывая, что если не бу-

дут приняты надлежащие меры, дело заготовки хлеба в уезде обречено на гибель»⁵⁴.

Несмотря на противоречивость источников, следует признать, что восстание носило длительный характер и с первой попытки подавлено не было. Согласно информации, опубликованной в газете «Кюряш», в разгар событий в Бураево прибыл небольшой отряд Красной гвардии, которому мятежники оказали сопротивление и не согласились признать Советскую власть. Отметим, что неясно, какого характера сопротивление было оказано местными жителями, но далее по тексту газеты сообщается, что отряду красногвардейцев пришлось вернуться обратно. Поскольку И.С. Чернядьев был опытным большевиком, председателем Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Бирска, а в прошлом подпольщиком, для подавления восстания он решил выиграть время, чтобы сформировать отряд, больший по численности. Начались переговоры, на которые приехали и представители из села Бураево. И.С. Чернядьев, судя по тексту очерков А.Г. Лукманова, пытался объяснить крестьянам цель изъятия «излишков» хлеба, давить на крестьян. Тем временем к концу марта подходит еще подкрепление, формируется более мощный отряд и выдвигается в Бураево, уже не опасаясь сопротивления крестьян. В итоге к концу марта этот отряд приходит в Бураево, подавляет сопротивление крестьян, восстанавливает Советскую власть, изымает хлеб и деньги, подготовленные для отправки в центр страны, арестовывает наиболее активных участников восстания, но его руководителям (С. Максудов, Ш. Хамитов) удается скрыться.

Подводя итоги анализа исторической литературы и источников по рассматриваемому вопросу, можно сказать, что применительно к крестьянскому восстанию в селе Бураево в марте 1918 г. на текущий момент нет публикации, которая бы исчерпывающе реконструировала противоречивые события того времени. Сформировался своеобразный историографический «тупик», фундамент которого был заложен практически сразу по итогам подобных восстаний. Так как противостояние сельского населения края и Советской власти окончилось в пользу последней, корпус источников, освещавших события того времени, формировался в угоду действующей власти, и ничто выходящее «за рамки» официальной точки зрения не могло быть использовано в работах историков. В архивах, музеях и библиотеках также откладывался материал, представляющий точку зрения Советской власти как победившей стороны. Таким образом, в советский период была сформирована историографическая и источниковая база рассматриваемых нами событий в Бураево, а также всего комплекса вопросов, связанных с истори-

ей крестьянских восстаний в 1918-1920 гг.

Что касается современных авторов, то им в большей степени приходилось опираться на историографическую и источниковую базу, которая была сформирована и отложилась в архивах, музеях и библиотеках именно в советский период. Отсюда разные версии событий, произошедших в селе Бураево в марте 1918 г., и отсутствие единого мнения в оценке этих событий. Тенденциозность никуда не исчезла, она лишь приобрела другой идеологический оттенок. Там же, где ее не было, не было и оценок произошедшего, а было лишь описание, констатация фактов. Поэтому необходимо дать этому событию новую оценку на основе имеющихся сегодня методологических подходов к исследованию крестьянских восстаний в первые годы Советской власти.

В нашей статье мы приходим к следующему выводу: историкам, изучающим антибольшевистские крестьянские восстания в период 1918 г. и последующих лет, необходимо тщательно и скрупулезно сравнивать содержание источников, образовавшихся по итогам деятельности обеих противостоящих сторон, если таковые имеются, что, несомненно, поможет избежать ошибок и спорных утверждений, попытаться восстановить объективную картину тех противоречивых и трагических событий нашей истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ленин В.И. Товарищи-рабочие! Идем в последний, решительный бой // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т.37. С.40.
Кроме того, недостаточная изученность вопроса связана с тем, что зачастую многие документы, касающиеся крестьянских восстаний, до сих пор находятся в архивах спецслужб и доступ к ним затруднен даже специалистам.
- ² Веселов А., Варивошена П. Новотроицкое кулацкое восстание // Кулацкие восстания в Башкирии в 1918 году: воспоминания / Под ред. П.А. Кузнецова. Уфа: Башкирское государственное издательство, 1933. С.29.
- ³ Аминев З.А. Борьба за упрочнение Советской власти в Башкирии (октябрь 1917 - июнь 1918 годов) // Ученые записки БГУ. Вып.1. Уфа, 1957. С.102-103; Он же. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917-1919 гг.). Уфа: Башкнигоиздат, 1966. С.215.
- ⁴ Советская Башкирия: исторические очерки / Под ред. Р.Г. Кузеева, А.И. Харисова, Б.Х. Юлдашбаева. Уфа, 1957. С.68-69.
- ⁵ Соколовы Г.Е. и А.Е. Пятая уральская // На Южном Урале. М., 1958. С.285-286.
- ⁶ За власть Советов: сборник воспоминаний участников Октябрьской революции и гражданской войны в Башкирии. Уфа, 1961. С.182, 256.
- ⁷ Лукманов А.Г. И.С. Чернядьев: биографический очерк. Уфа. Башкирское кн. изд-во, 1979. С.71-74.
- ⁸ Там же. С.74.

- ⁹ Садретдинов М. Сын народа // Революцией призванные / Сост. Б.А. Кузнецов. Уфа, 1985. С.107-108.
- ¹⁰ Вознесенский Л. 1921 год: урок правды // История без «белых пятен»: дайджест прессы 1987-1988. М.: Лениздат, 1990. С.365.
- ¹¹ Юлдашбаев Б.Х. Новейшая история Башкортостана. Уфа: Китап, 1995. С.47.
- ¹² Мордвинцев Г.В. Бураевское башкирское кантонство // Башкортостан: краткая энциклопедия / Глав. ред. Р.З. Шакуров. Уфа: Науч. изд-во «Башкирская энциклопедия», 1996. С.194.
- ¹³ Мордвинцев Г.В. Бураевское восстание 1918 // Башкирская энциклопедия: в 7-ми т. / Глав. ред. М.А. Ильгамов. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. Т.1. С.568.
- ¹⁴ Гарипов М.С. Крестьянские восстания в Башкортостане в 1918-1921 гг. // Ватандаш. 1999. №3. С.162-165.
- ¹⁵ Там же. С.163.
- ¹⁶ Там же. С.162.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С.165.
- ¹⁹ Кульшарипов М.М. Башкирское национальное движение (1917-1921 гг.). Уфа: Китап, 2000. С.22.
- ²⁰ Там же. С.119.
- ²¹ Давлетшин Р.А. История крестьянства Башкортостана. 1917-1940 годы. Уфа: Гилем, 2001. С.35.
- ²² Давлетшин Р.А. История крестьянства Башкортостана 1917-1940 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Уфа, 2001. С.80.
- ²³ Заерова А.Н. Социально-экономическое и политическое положение северо-западного Башкортостана в 1917-1922 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2006. С.123-124.
- ²⁴ Хамидуллин С., Таймасов Р. Большая Башкирия // Ватандаш. 2009. №5. С.70-85.
- ²⁵ Хамидуллин С., Таймасов Р. Большая Башкирия. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://vatandash.ru/?article=1816>. Дата обращения: 30.01.2017.
- ²⁶ Хамидуллин С., Таймасов Р. Большая Башкирия. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://bashkorttar.ru/?p=302>. Дата обращения: 30.01.2017.
- ²⁷ Мятёж. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=_5Pesbf4MvA. Дата обращения: 31.01.2017.
- ²⁸ Хамидуллин С., Таймасов Р. Большая Башкирия // Ватандаш. 2009. №5. С.80.
- ²⁹ Там же. С.80-81.
- ³⁰ Декреты Советской власти (10 ноября 1918 - 31 марта 1919 гг.). М.: Политиздат, 1968. Т.IV. С.292-294.
- ³¹ Декреты Советской власти (17 марта - 10 июля 1918 г.). М.: Госполитиздат, 1959. Т.II. С.261-267.
- ³² Декреты Советской власти (11 июля - 9 ноября 1918 г.). М.: Госполитиздат, 1964. Т.III. С.469-473.
- ³³ Давлетшин Р.А. Военный коммунизм // Башкирская энциклопедия: в 7 т. / Глав. ред. М.А. Ильгамов. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2006. Т.2. С.101-102.
- ³⁴ Национальный архив Республики Башкортостан (далее – НА РБ). Ф. И-345. Оп.2. Д.43. Л.244.
- ³⁵ Кульшарипов М.М. Октябрь 1917 г. // История башкирского народа: в 7-ми т. / Под ред. М.М. Кульшарипова, К.К. Каримова и др. Уфа: Гилем, 2010. Т.5. С.88-89.
- ³⁶ Кондрашин В.В. Крестьянство и революция: историографические заметки в связи со 100-летием Вели-

- кой российской революции // Революция 1917 года и Гражданская война как определяющие факторы российской истории XX века. Международная научно-практическая конференция. Оренбург, 11-12 мая 2017 г. Сб. ст. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2017. С.140-141.
- ³⁷ Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии (февраль 1917 г. - июнь 1918 г.) Сборник документов и материалов / Под ред. З.А. Аминова и др. Уфа: Башкир-гоиздат, 1957. 562 с.; Октябрь в Башкирии: сб. документов и материалов. Уфа: Башкир-гоиздат, 1987. 312 с.
- ³⁸ Очерки истории Башкирской организации КПСС / Под ред. В.П. Иванковой. Уфа: Башкир-гоиздат, 1973. 728 с.
- ³⁹ НА РБ. Ф.10287. Оп.1. Д.73.
- ⁴⁰ В связи с недавней реорганизацией двух архивов путем объединения Центрального исторического архива Республики Башкортостан и Центрального архива общественных объединений Республики Башкортостан создан единый Национальный архив Республики Башкортостан, объединяющий в своей структуре два уже упомянутых архива. Поэтому необходимо пояснить, что фонды И-345 и Р-4667 находятся в здании бывшего Центрального исторического архива Республики Башкортостан (г.Уфа, ул.Карла Маркса, 4), а фонды 10287 и 1832 – в здании бывшего Центрального архива общественных объединений Республики Башкортостан (г.Уфа, ул.Советская, 7).
- ⁴¹ НА РБ. Ф. И-345. Оп.2. Д.43. Л.74-75.
- ⁴² НА РБ. Ф. Р-4667. Оп.1. Д.3. Л.28-33.
- ⁴³ НА РБ. Ф.10287. Оп.1. Д.73. Л.9-11.
- ⁴⁴ НА РБ. Ф.10287. Оп.1. Д.277. Л.16-18.
- ⁴⁵ НА РБ. Ф.10287. Оп.1. Д.11. Л.42.
- ⁴⁶ НА РБ. Ф.1832. Оп.4. Д.314. Л.69-70, Д.315. Л.31-32.
- ⁴⁷ Документальный фонд Национального музея Республики Башкортостан (далее – ДФ НМ РБ). ОФ.10622/1, ОФ.10622/2.
- ⁴⁸ *Иванов А.О., Алдашов А.Н.* Вспомнить не все: воспоминания одного из участников Гражданской войны (попытка источниковедческого анализа) // Революция 1917 года и Гражданская война как определяющие факторы российской истории XX века. Международная научно-практическая конференция. Оренбург, 11-12 мая 2017 г. Сборник статей. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2017. С. 107-112.
- ⁴⁹ ДФ НМ РБ. ОФ. 10622/2. Л. 48.
- ⁵⁰ НА РБ. Ф.10287. Оп.1. Д.73. Л.9-11.
- ⁵¹ Покушение башкир на государственный хлеб и деньги // Известия Уфимского губернского Совета народных комиссаров. 1918. №67. 10 апреля. (28 марта). С.3-4.
- ⁵² Областной отдел, из Бирска // Голос рабочего. 1918. №40. 23 марта (5 апреля). С.4.
- ⁵³ Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии (февраль 1917 г. - июнь 1918 г.): сборник документов и материалов / Под ред. З.А. Аминова и др. Уфа, 1957. С.413, 470.
- ⁵⁴ НА РБ. Ф. И-345. Оп.2. Д.43. Л.74, 75.

**PEASANT UPRISING IN THE VILLAGE OF BURAYEVO
OF THE BIRSK COUNTY OF THE UFA PROVINCE IN MARCH, 1918
(TO ASSESSMENT OF THE HISTORIOGRAPHY AND THE SOURCE BASE OF THE PROBLEM)**

© 2017 A.O. Ivanov, A.N. Aldashov

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla

The authors of the paper compare different points of view on history of a little-known peasant uprising in the village of Burayevo (Birsk County, Ufa province), and also analyze the source base of a topic. In the Soviet historiography such uprisings were unambiguously characterized as «kulak» or «bourgeois and nationalist». When contemporary researchers analyze different sources of the considered period, they come to ambiguous conclusions, which often are very tendentious. Despite an existence of a large number of works on different aspects of history of the Civil war in the territory of the contemporary Republic of Bashkortostan, there are no special historiographic researches on separate insurgent peasant uprisings in regional history. Contemporary scholars have to lean on historiography and source base which were created and postponed in archives, the museums, and libraries during the Soviet period. All of this generates different versions of the events which took place in the village of Burayevo in March, 1918; one could note a lack of consensus in assessment of the peasant uprising of the given period. The tendentiousness did not disappear anywhere, it only has changed its color. At the same time, the papers which are free from tendentiousness are also free from the estimation and assessment; they contain only a simple description, or ascertaining of the facts. That's why it is necessary to elaborate a new assessment of this event on the basis of the new available methodological approaches to a research of country revolts in the first years of the Soviet power.

Keywords: Civil war, historiography, source bases, Ufa province, Birsk county, village of Burayevo, Burayev Bashkir canton, food brigades, food policy, requisitions, peasants, uprising.

Alexey Ivanov, the Head of Department of Rare Books of Library. E-mail: ivanov_alex1990@mail.ru

Andrey Aldashov, Candidate of History, Associate Professor, Department of General History and Cultural Heritage, Institute of Historical and Legal Education. E-mail: aldashov1965@mail.ru